

Сделайте нам красиво

Роман Виктюк поставил пьесу Уильяма Гибсона «Двое на качелях». Исполняют артисты Наталья Макарова, и Валентин Клементьев.

По привычке чуть было не написал «играют». Но нет, «исполняют» — это, увы, точнее.

Сцена — какое-то пустое место. Несмотря на огромную конструкцию из стальных сеток, рельсов, балок, несмотря на грохочущий лифт, сверкающий неон, лязгающие двери, рев моторов и вопли класнонов.

Это — каменные джунгли из железных деталей. Штамп. Общее место. Пустое место.

Об актерах, конечно, так не скажешь. Клементьев высокий, крупный парень. По габаритам вполне соответствует персонажу. Играть не может, но исправно передвигается по сцене, бесстрашно ездит на лифте, неутомимо носит на руках легкую Макарову. Он ее несет, а она ножками делает что-то такое грациозное, как бегущая лань.

Макарова (особенно рядом с Клементьевым) хрупкая, тонкая. Игра не получается, но публика не сводит глаз с Макаровой. За спиной маленькой женщины большая жизнь, огромная слава и громкий скандал.

Для поклонников знаменитой балерины — достаточно. Для поклонников театра — нет.

Лет десять назад в том же театре им. Моссовета другой бездомный режиссер тоже ставил спектакль про балерину. Кама Гинкас взял на главную роль Нину Дробышеву, и она сыграла потрясающе. Хотя ей и во сне не приснились бы те шутики, что шутя проделывает Макарова.

Искр. комсомолец. - 1992. - 16 июня. И скучно и грустно

Роман со звездой

Несчастливая жизнь, неудачная любовь, афиши и фото из невозвратного звездного часа, одиночество, вдруг наступившая старость — все было то же.

Но Дробышева показывала душу, а Макарова показывает станок.

Макарова непрерывно занята станком: все время пуанты, батманы, шпагаты и пр. Несомненно, так ей режиссер велел. Она и старается. Тем более что она это (батманы, шпагаты) умеет и любит. И, наверное, точно выполняет режиссерский рисунок: налево кругом на пуантах к телефону.

Для этого, кажется, не нужна Макарова. На пуантах к телефону может сбегать любая девочка из кордебалета. Но девочки аншлага не соберет. Выходит, эксплуатируется не талант, а биография?

Актриса Макарова — начинающая. И начинающая поздно. И крики «браво», когда-то привычные и заслуженные балериной Макаровой, сейчас — то ли авансы, то ли старые долги.

Эфрос сказал однажды: «Драма — это балет со словами». И всю жизнь добивался от своих актеров музыкальной точности в игре. Но никогда не приглашал музыканта играть музыканта, равно как и сталеваров не звали играть сталеваров.

В те самые времена, когда трижды народных знаменитости в академических театрах играли «Сталеваров», — в те самые времена Виктюк добивался невероятных успехов с любителями.

Потрясающие «Уроки музыки», ошеломляющие «Девочки, к вам пришел ваш мальчишка» — эти студийные полузапрещенные спектакли шли черт-те где на Варшавском шоссе. Играли там студенты МГУ, няньки из детсада, бухгалтеры, инженеры-физики. И как играли! Недаром вся театральная Москва паломничала на Варшавку.

На волне успеха Виктюк получал очередную постановку в очередном Академическом. И проваливался с треском. Когда он в Академическом имени Вахтангова поставил пятисоковую «Анну Каренину», мало кто мог дожидаться прихода поезда.

Ни одна постановка Виктюка в Вахтанговском не имела успеха. Но все эти уроки ничему мастера не учили.

Когда-то ему хватало безвестных студийцев, трех стульев и панцирной кровати сетки.

Сейчас Виктюк не может без экстравагантностей: то уникальный тенор, то звезда балета, то суперкостюмы, то вот лифт тонны на три, чтобы поднимать одного крупного артиста.

Но спектакли стали скучные.

Они иногда восхищают эстетством, отделкой, кружевами. Но не трогают. Смотришь и думаешь: эффектно, очень эффектно, жаль, что скучно.

Что ж, это общая судьба. В свое время стали скучны спектакли Эфроса (тоже в «академиях»), стали скучны спектакли Любимова, Ефремова, Гончарова. Закат

— вещь неизбежная, и мало кому смерть посылается в зените славы.

Но у Виктюка — не рано ли?

Поиски балерин и теноров не означают ли полупризнания режиссера в собственной несостоятельности? Попытки прикрыться звездами не означают ли страха, что будет замечена нагота (пустота)?

И не характерно ли — Виктюк постоянно репетирует 2—3 спектакля одновременно. Вести к премьере две-три актерские группы — можно ли назвать это любовью? Не более чем все групповое.

Виктюк лучше многих знает: без настоящей любви — удачи спектаклю не будет. Но два-три сразу — это, конечно, не любовь, а холодное, расчетливое соращение. Умелое изображение искреннего чувства: и обмануть, конечно, удастся не всех и не надолго.

Когда Макарова с Клементьевым исполняют любовное объятие, мы видим, как женщина стоит на одной ноге, вертикально задрав другую. А мужчина обнимает зарз торс и задранный ножку. Такое извращенное объятие возможно, конечно, с балериной или с женщиной-змеей из цирка. Это даже забавно. Но никакой любви там нет.

Есть хорошая разминка, станок, имя, реклама...

...и крики «браво!». Но сколько я ни оглядывался — ни одного кричащего увидеть не удалось. Похоже, «восторженные зрители» вели себя с нелогичной, неестественной скромностью.

Естественно, дарили букеты, а один поклонник преподнес Макаровой павлинье перо. И сразу почему-то вспомнился эпизод из «Белого солнца пустыни» и насмешливая реплика Сухова:

— Павлины, говоришь? Х-хе...

Александр МИНКИН.